

Век. Москва, - 2000. - 23 июня. - 03

ТЮЗ без «ТЮЗЯТИНЫ»

24 июня — юбилей Генриетты Яновской, художественного руководителя МТЮЗа

Ольга ФУНС

Среди неясных пятен лиц, тусклых бликов лампы, марева сигаретного дыма, который, кажется, клубится прямо с экрана, ее лицо выделяешь сразу. Тугой комиссарский пучок на затылке, плотно сжатые губы, яростные угли черных глаз, не по-женски сильные руки встряхивают и колотят объемящее тело генерала-балагура, впавшего в пьяную истерику. Не разборчивы слова, не до конца ясны отношения генерала и его госты, но порыв не забудешь — женщина удерживает мужчину на грани срыва. Как над пропастью — вопреки всем физическим законам. Конечно, натяжкой было бы сказать, что в фильме своего друга Алексея Германа «Хрусталева, машину!» Генриетта Яновская отчасти сыграла себя. Но удерживать в своих руках ситуацию ей приходилось не раз. Например, когда незадолго до премьеры ее пронзительного и жесткого «Иванова и других» убили одного из ведущих актеров труппы Олега Ковшенико — и надо было не только выпустить премьеру, но и делать срочные вводы в остальных спектаклях. Или когда «работу по специальности» не удавалось найти ни одному из супругов-режиссеров, и Генриетта Наумовна вязала на заказ, чтобы прожить, и заодно обвязывала свою семью — вся театральная общественность слышана от Камы Гинкаса о ее оригинальных вязаных моделях свитеров, брюк и даже сапог!

Эта режиссерская семья вообще уникальна. Когда они поступали к Товстоногову, абитуриентке Генриетте Яновской предстояло поставить эпюда на тему «Внутриполостная операция на Северном полюсе» с участием абитуриента Камы Гинкаса. Неплохой получился эпиграф к будущей общей судьбе. И «внутриполостных операций» (точнее, мучительных рождений спектаклей с внутрисемейным разбором по самому что ни на есть гамбургскому счету) хватало. И своего рода «Северный полюс» (несколько лет работы в Красноярском ТЮЗе, известном с тех пор по всей России) имелся. Но такого пietetа по отношению друг к другу, как у них, еще поискать надо. Оба, будучи самобытными и не похожими друг на друга

режиссерами, с удовольствием пропускают друг друга вперед и играют свои роли просто «мужа Яновской», который подает чай ее гостям, или просто «жены Гинкаса», которая убирает и готовит ему, пока он дает мастер-классы за границей. Она играет в его спектакле «Казнь декабристов» маленькую, но важную роль Автора, он ставил в ее спектакле пластику.

В силу обстоятельств по количеству поставленных спектаклей Генриетта Яновская явно не попадает в Книгу рекордов Гиннесса. «Варшавская мелодия» на «Синемосту» (театр такой в Питере, тогдашнем Ленинграде), «Сотворившая чудо» и «Плутни Скалена» в Красноярске. Потом снова Ленинград — «Стекланный зверинец» в Малом драматическом, «Вкус меда», «Алиса в стране чудес»... И снова побег от безработицы — на сей раз в Москву в 1984 году. «Вдовый пароход» в Театре Моссовета и «Летят перелетные птицы» в Маяковке. И, наконец, Московский ТЮЗ — первый свой театральный дом через 20 лет после окончания товстоноговского курса в ЛГИТМИКЕ. Позже здесь «родятся» «Собачье сердце», «Good bye, America!», «Соловей», «Жак

раженскому: «К берегам священным Нила». И периодически натывались глазами на собаку, которая зачарованно внимала происходящему, — ее специально приводили на релетицы, чтобы научиться слушать «по-собачьи». Говорят, Питер Брук потом назвал этот спектакль великим. Говорят, его смотрел Сахаров. С «Собачьим сердцем» МТЮЗ объездил полмира: Германия, Италия, Бельгия, Голландия, Швейцария, Израиль, Югославия, Финляндия, Турция, Польша. И это, кстати, тоже послужило причиной упреков в сторону Яновской — мол, развратила нищих артистов заграничными гастролями. В дополнение к основному упреку — уничтожила детский театр, заменив его режиссерским. Между

Первым у Яновской в МТЮЗе появилось «Собачье сердце». Репетировали радостно, дурачились. Питер Брук потом назвал этот спектакль великим

Оффенбах, любовь и тру-ля-ля», «Иванов и другие», «Гроза», что позволило говорить об особом театре Яновской — театре причудливо смонтированных фантазий и ассоциаций и сурового сентиментализма. Правда, «дом» достался в довольно плачевном состоянии — коррозия так называемой тюзятинны разъела его основательно. Предстояло не просто строить новую репертуарную политику, но и бороться с инерцией сознания рядового зрителя.

Первым у Яновской появилось «Собачье сердце». Говорят, репетировали радостно, дурачились, пели арии из «Аиды», словно «подпевая» профессору Преоб-

тем в одном из номеров тогдашней «Театральной жизни» опубликован любопытный документ — стенограмма общественного совета тех самых юных зрителей, приглашенных ТЮ-

Зом и лично Генриеттой Яновской для обсуждения того, каким должен быть их театр. Среди своих особых предпочтений школьники называли «Братьев и сестер» в Малом драматическом, «Тамару» во МХАТ, ленокмоовских «Трех девиц в голубом» или современниковскую «Квартиру Коломбины». Что лишний раз подтверждает слова одного из старейшин российского театра (а по совместительству — ветерана тюзовского направления) Зиновия Корогодского, сказанные недавно в интервью нашей газете: «Не может быть театра для детей и взрослых, театр должен быть для людей».